

Дмитрий Раков

16+

Вкус эмоций

Дмитрий Раков

Вкус эмоций

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Раков Д. А.

Вкус эмоций / Д. А. Раков — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Цикличность? Серые дни? Однообразная кутерьма повседневности? От этого есть средство. И лишь сумасшедший поможет вам в его поисках.

Не бойтесь того, что ваша жизнь должна окончиться;
бойтесь того, что она так и не начнется.

Джон Ньюмен

Пролог

Все вокруг было абсолютно неправильным.

Сидя в углу пустой палаты старой психиатрической лечебницы, Ким прислушивался к малейшему подозрительному звуку. Серые стены давили на него с непреодолимой силой и сжимали до размера молекулы. Может, ничего не произойдет, и медсестра вообще забудет число 36? Как же выбраться?

Прошло две минуты. Никакого шума. Даже свиста бушующего за окном ветра в этом жутком месте не было слышно. Будто все вокруг накрыло одеяло густой, непреодолимой тишины. Казалось, что ее даже можно попробовать на вкус или раздвинуть руками. И это уже начинало надоедать.

Шаг.

Это было неожиданно. Ким даже подпрыгнул от внезапности.

Еще один.

Стук ярко красных каблуков доносился из коридора, на противоположном конце которого находилась дверь, ведущая в палату Кима. Цокот каблуков цвета крови приближался. Ким знал, что они именно такого цвета, ведь они подходили к палате 36 каждый вечер. И каждый вечер ему приходилось преодолевать невыносимые муки. Ким нервно вжался в угол, надеясь пройти сквозь стену, влиться в холодный бетон и остаться там навеки, только бы эти каблуки не дошли до номера 36.

Шаг за шагом Она приближалась. Вот уже проплыла мимо палата номер 30. Осталось немного.

Что делать?

Первая стадия в таких ситуациях – паника. Ким весь дрожал от страха, как осиновый лист. Казалось, даже пылинки на полу поднимались от вибрации его тела, а со стен опадала побелка. Страх будто наполнял своим холодным дыханием каждую клетку тела.

Номер 32.

Следующая стадия – отрицание. «Этого просто не должно происходить! Это не я попал в эту ситуацию, а кто-то другой! Сейчас я проснусь, и потом посмеюсь над своим дурным сном!» – эти мысли промелькнули в голове Кима за доли секунды. Но ни он, ни даже кто-то другой не проснулся. Все происходило именно с ним, здесь и сейчас.

Номер 34.

Последняя стадия – принятие. Все казалось очевидным и неизбежным. Как можно сопротивляться, если сделать ничего нельзя? Придется только сидеть и ждать, когда все произойдет. Может, станет легче? Поскорее бы это закончилось.

Номер 36.

Каблуки прекратили свой будоражащий ритм, как будто стучит метроном, отмеряя адский темп. Цифры 36 криво висели на двери, ведущую в палату, где сидел, скорчившись, Ким Сталлен.

В твердый металл двери постучались. Небольшое окошко со скрипом отворилось, и одинокий луч света полоснул по глазам заключенного.

–Мистер Сталлен, откройте двери, и мы начнем лечение, – раздался слащавый голосок медсестры.

«Держись», – прошелестело то ли в голове, то ли откуда-то из-за стены.

«Хрена с два я ей открою», – подумал Ким. Он еще сильнее забился в угол, если это вообще было возможно, и что-то несурзное буркнул в ответ. Из-за двери снова раздался голос:

–Мистер Сталлен, я буду вынуждена использовать ключ, – и в доказательство в ржавый замок почти беззвучно вошел холодное железо. – Откройте дверь самостоятельно – лучше будет! – провернувшись три раза вокруг своей оси, ключ замер на мгновение и вышел из отверстия.

–Я вхожу внутрь!

Дверь беззвучно пришла в движение, и, громко ударившись о стену коридора, остановилась. Грохот от удара гулко отразился от стен холла психиатрической лечебницы №7.

В проеме стояла медсестра, держащая в руках журнал больных. На голове кокетливо и немного скошено набок сидел медицинский чепчик, халат, перетянутый поясом, облегал тело, а на ногах красовались туфли с пятнадцатисантиметровым каблуком. Как она только не падает?

Строгим взглядом медсестра обежала комнату. Ее глаза остановились на жалком комочке жизни, что назывался Ким Сталлен.

–Уйдите вон! – как-то слабо и неестественно высоко пропищал Ким.

–Этого требует моя работа. Ничего не поделаешь. Ваш курс лечения нужно выполнять, – пожав плечами, невозмутимо ответила сестра. Повернувшись к Киму спиной, она достала из стоящего сзади вагончика лекарств шприц и капсулу с какой-то мутной жидкостью и отломала верхушку. – Сейчас станет легче, – приторно пообещала она. Ким выпученными глазами следил за малейшим движением медсестры.

Ударив своим острым коготком по шприцу и выпустив из него лишний воздух, сестра резко обратила свой взгляд на Кима.

–Сидите смирно, и я проведу всю работу быстро, – строгим и тихим голосом произнесла она. Ким сморщил лицо. Он не хотел сдаваться, но что же делать? Если он не согласится на укол добровольно, то его заставят два здоровенных амбала, что стояли на входе в больницу. А этого Киму абсолютно не хотелось.

Мистер Сталлен медленно и с опаской протянул медсестре руку.

–Вот и славно! – тут же заулыбалась она. – Я знала, что вы молодец.

Эта фраза прозвучала неестественно сладко, да так, что Ким сморщился еще сильнее. Медсестра только шире заулыбалась. Она подошла к Сталлену и помазала спиртом кожу на внутренней стороне локтя пациента. Еще раз внимательно посмотрев на содержимое шприца, она поднесла иглу к глазам. Струйка лекарства вяло взлетела из шприца в воздух и беззвучно приземлилась на пол. Как же все паршиво.

Игла вошла в руку Кима, как будто проходила сквозь подтаявшее масло. По вене мгновение спустя потекло «лечащее» лекарство. Хотя последнее надо было еще доказать.

Голова у Кима закружилась от неимоверной боли, как и в сотнях раз до сегодняшнего дня. Боль растекалась от руки до груди, а потом уже и по всему телу. Она одновременно приводила в чувство, отрезвляла, но была настолько сильной, что Ким чуть сразу не потерял сознание. Через мгновение боль превратилась во что-то очень вязкое, тягучее и противное. Все вокруг начало шататься, а взгляд медсестры показался безумно злым и жестоким. Заключенный покорно и обессилено опустил нос в пол. Глаза слипались, и казалось, что чертова медсестра уплывает куда-то далеко-далеко, а комната обволакивает Кима вместе с его страхами. Краски сгущались, а свет из окошка давил на зрачки. Через мгновение мистер Сталлен ушел из своего сознания и переместился в мир грез.

А на улице загорался рассвет.

Глава 1

На улице только загорался рассвет, а по площади, небрежно крутя в руке пакет с фруктами, уже шел мужчина лет тридцати семи. Коричневый в клетку пиджак, застегнутый наполовину, развевался на ветру. Лакированные, тщательно вычищенные парадные туфли красо-

вались на ногах, брюки были немного помяты, а рубашка не заправлена внутрь, что говорило о весело проведенной ночи. Из пакета в руке выглядывали мандарины и небольшой потрепанный выпускной альбом. Под глазами висели тяжелые мешки. Но, тем не менее, человек улыбался.

Его звали Руперт Стоун. Фамилия не подходила ему, как если бы вы назвали камнем воду. Руперт был мягок и покладист по своему характеру, всегда помогал, если кто-то нуждался, и был внимателен ко всем вокруг.

Мистер Стоун вприпрыжку приближался к своему дому. Ночь он провел на 20-тилетнем юбилее сбора выпускников, а сейчас спешил к дочке. На душе было спокойно и радостно от всех воспоминаний о юности, что переполняли его. И как они с Беном подорвали петардами школьный туалет, из-за чего чуть не вылетели из школы... правда, все обошлось штрафом родителей на круглую сумму. И как его запихали полуголым в раздевалку девушек ради забавы. Все смеялись тогда так злобно, а сейчас казалось, что это были такие веселые деньки, и обида уже превратилась в смех. После этого Руперт, однако, не стал позже пользоваться у девушек большей популярностью во времена студенчества. Правда, и ему было не до них.

Хорошо, что он встретил Салли, девушку своей мечты. А встретился Руперт с ней при очень странных, но таких банальных обстоятельствах... Он, порой, сам поражался, какая череда случайностей произошла, только бы они встретились.

В общем, Руперта жизнь устраивала. Он имел почти все: и дочь, и квартиру, и работу в банке, за которую довольно неплохо платили. Стоун был счастлив в настоящее время.

Лихо вскочив на последнюю ступеньку крыльца своего подъезда, Руперт обернулся лицом к улице. Веяло прохладой, росинки свисали с травинок, фонари еще горели, а за домами алел рассвет. Прохладный ветер тихо завывал в кронах деревьев, отчего казалось, что они пели. Все было прекрасно.

Стоун улыбнулся миру и вошел в подъезд. Перепрыгивая через две ступени, как школьник, Руперт прискакал к двери своей квартиры, на ходу второпях достал ключ и тихонько всунул его в замок.

Квартира была объята тишиной. Только в дальней комнате сладко сопела Карен.

Стараясь не разбудить свою любимую дочь, Руперт снял пиджак, аккуратно поставил на пол коридора пакет, снял туфли и осторожно прошел в спальню дочери.

Карен лежала, укутавшись одеялом, и сладко спала. Однако, когда Руперт вошел, она резко обернулась, уставилась на него, словно впервые его видела, а мгновение спустя на ее лице засияла улыбка.

–Как прошла ночь? Надеюсь, ничего страшного? Много было твоих старых друзей, облысевших сильнее, чем ты? – игриво сказала дочка Руперта, с улыбкой выстреливая вопросы один за другим. Карен всегда улыбалась. Эта девочка пятнадцати лет, казалось, никогда не грустила. «Оптимизм у нее в крови», – так говорил всем отец. – «Салли оставила это, как наследство», – горько добавлял он.

Салли Стоун умерла от рака поджелудочной железы, когда Карен было четыре года. Дочь тогда, как ни странно, понимала, что происходит, и день похорон ее матери был единственным днем, когда девочка плакала. С тех пор Карен старалась улыбаться как можно чаще. Вероятно, она думала, что мама так бы хотела.

Руперт слабо, но счастливо ответил улыбкой, и, даже не раздевшись, рухнул на кровать, стоящую рядом с кроватью дочери. Подпрыгнувшее одеяло накрыло его с головой, а когда оно опустилось, Руперт уже крепко спал после бурной ночи.

–С тобой не соскучишься, – саркастически рассмеялась Карен. Она нехотя встала с постели, заботливо поплотнее накрыла одеялом отца и пошла в душ.

Прохладная вода освежила Карен, и она уже бодрая прошла на кухню. Терпкий запах свежесваренного кофе наполнил всю квартиру в мгновение ока. Сегодня было воскресенье,

никуда не надо было спешить, и можно было просто целый день посидеть у телевизора с чашкой кофе и атрофировать себе мозги. Нет ничего прекраснее!

Карен с этими мыслями допила свой кофе, надела зеленую легкую куртку и ботинки и неторопясь вышла на улицу.

Начинали чирикать птицы: еще слабо, но все сильнее и сильнее; это чириканье перерастало в ритмичный гул, такой характерный для позднего лета. Живности на улицах почти не было. Только изредка попадались кошки или собаки, лениво передвигающиеся поближе к теплым солнечным местечкам.

Рядом на дороге уже начинала собираться пробка, а Карен, не обращая на это внимания, продвигалась вдоль улицы. Размеренный такт бега успокаивал ее, вокруг проносились улочки, детские площадки, небольшие садики и жилые дома.

Как же хорошо утром воскресенья! Можно пойти куда пожелаешь, в какую угодно сторону и всегда найти что-нибудь интересное. Через четыре квартала Карен нашла кое-что действительно странное.

Подбежав к местной психиатрической лечебнице, Карен увидела удивительную картину: через металлический забор больницы перелезал мужчина в белой сорочке. Мужчине было лет сорок пять, на ногах не было даже тапочек, а сам он зацепился за пику забора своей сорочкой и отчаянно пытался разорвать ее в этом месте. Но что-то у него не очень это получалось.

Карен страшно заинтересовала эта картина. Девочка никогда не уходила прочь от странностей, даже если они и могли представлять собой опасность. Она подошла ближе, запрокинула голову вверх и с блистательной улыбкой нарочито четко и громко сказала:

– Удивительное утро, не правда ли?

Мужчина на заборе даже подпрыгнул от неожиданности. Это его и сгубило. Горе-пациент с грохотом сорвался с забора, а его сорочка с оглушительным треском порвалась чуть ли не на пополам. Не издав ни писка, он кубарем упал на сырую землю. Лишь звук рвущейся ткани и удивленный вскрик девочки раздался эхом по залитой утренним солнцем и наполненной прохладой пустынной улице.

Карен уже смеялась. Какое, правда, удивительное было утро!

Мужчина вскочил, отряхиваясь. Его сорочка порвалась и была грязной от колен до груди, а сам он выглядел самым смущенным и несчастным человеком на земле. Его взгляд был устремлен в землю, а руки нервно потирали друг друга.

– Извините, – пробормотал он.

Карен еще сильнее рассмеялась:

– Извиняться? Что вы! Это я должна перед вами извиниться, ведь вы упали из-за меня. Может, если бы не я, ваш план побега бы и удался, – и она, прищурив глаза, посмотрела на незнакомца.

Мужчина на секунду испуганно перевел взгляд с земли на Карен, но тут же снова опустил голову вниз. Прикинув все, что сейчас произойдет, он осознал, что сопротивляться бесполезно.

А Карен уже радостно и с энтузиазмом нажимала на кнопку звонка сбоку от калитки. Из динамика рядом послышалось единственное слово, произнесенное с самой презрительной интонацией, которую только можно издать:

– Да?

– Ваш пациент сбежал, – улыбаясь, выкрикнула Карен. Она посмотрела на беглеца. – Как ваше имя, мистер?

– Ким, – смущенно ответил мужчина. Он все еще стоял, понунив голову, а из динамика сразу же раздался оглушительный женский вопль:

– ОПЯТЬ?! Да сколько можно? Уже третий раз за неделю!

Ким коварно ухмыльнулся:

– Четвертый.

Через десять секунд входные ворота открылись, и Ким вместе с Карен вошли внутрь. Навстречу им уже бежали два медбрата атлетического телосложения, а между ними еле поспевала молоденькая медсестра на высоченных красных каблуках. Ее рот был перекошен, тонкие, аккуратно подведенные брови нахмурены, а темно-синие глаза ядовито смотрели на Кима.

– Поставить решетки на окне мистера Сталлена! – повелительно сказала сестра своей свите, как только они подбежали к месту происшествия. Те одновременно кивнули. Медсестра повернула голову к Карен. Все ее движения были резкими и отчетливыми. – Спасибо вам! – она едко улыбнулась. – Этот негодник постоянно убегает. Ему, видите ли, не нравятся наши методы лечения! – сестра презрительно хмыкнула, провожая взглядом унылого Кима, гонимого к лечебнице подзатыльниками чуть ли не пинками.

– Понимаю. Ему же станет только лучше от вашего лечения, ведь правда? – заботливо и настороженно спросила Карен.

– Да, конечно, – произнесла медсестра, следя за тем, как дверь больницы медленно захлопывается за почти сбежавшим пациентом, но тут же перевела взгляд на девочку, – Я же забыла представиться! Будем знакомы: Марго Боун.

Марго поднесла руку к Карен. Что-то в этой медсестре отталкивало девочку, но что, Карен никак не могла понять. Поэтому она с опаской пожала протянутую руку и представилась в ответ из вежливости.

– Карен Стоун. Очень приятно, – сквозь зубы процедила она.

– И мне! – энергично затрясла руку медсестра. – Но пора уходить, работа зовет! Больные начнут буянить без начальства.

– Конечно, конечно, – Карен поспешно отпустила руку Марго. Та немного прищурила глаза.

– Ваше лицо мне кажется знакомым, Карен, – с подозрением сообщила она.

– Не думаю, что мы когда-то встречались, – поспешно ответила в свою очередь девочка. Она не хотела оставаться в этом месте надолго, хоть ей медсестра тоже показалась знакомой.

Они все же распрощались. Зайдя за угол неподалеку стоящего дома, Карен с удивлением наблюдала, как в окне лечебницы какой-то грузный мужчина орет на бедного пациента. Выглядел этот человек весьма недружелюбно.

Все-таки, удивительное утро. Только по воскресениям бывают такие происшествия. В остальные дни все куда-то спешишь, никого и ничего вокруг не замечаешь, кроме поставленной перед собой цели. Так и вся жизнь промелькнет.

Карен все думала о произошедшем и даже не заметила, как пришла обратно к своему дому. Поднявшись на свой этаж и встретив соседку снизу, Карен открыла входную дверь.

Изнутри пахло запахом имбирного печенья и по-профессиональному заваренным крепким черным кофе. Отец уже встал с кровати и нехотя пожевывал завтрак, читая утреннюю газету. Когда Карен вошла, он с лукавой улыбкой спросил:

– Где же ты была?

Руперт, выслушав историю повеселевшей Карен, был отнюдь не весел. Скорее, он был взволнован и возмущен.

– Он мог быть опасен! – почти прокричал обеспокоенный отец после окончания рассказа дочери. – Он же из психушки!

Карен улыбающимися глазами посмотрела на отца. Он выглядел таким смешным, когда волновался о ней. А волновался он очень много.

– Успокойся, прошу! Все обошлось! Тем более, я ведь сразу позвонила охране этого заведения. Ничего и не могло произойти, – уверила она отца.

Нахмурившись, Руперт согласился. В ответ он пробурчал что-то вроде «могло и произойти» и вернулся к утренней газете и завтраку. Карен же не хотелось есть.

Она оставила отца в одиночестве и пошла в спальню, заправила постель и улеглась на диван, хватая пульт. По телевизору не было ничего интересного. Вот всегда так в воскресенье! Смотреть было нечего и незачем.

Да и из головы Карен не выходило утреннее происшествие. Как же комично он выглядел, этот Ким Сталлен.

Ким Сталлен сейчас выглядел отнюдь не комично. Проведя выговор почти сбежавшему психопату, глава больницы уперся глазами в сжавшегося от напора взгляда пациента. Начальник всегда был чем-то недоволен. Казалось, что эта грузная масса мяса и жира только и умеет, что хмуриться да на всех кричать.

– Ты хоть понимаешь, что могло бы случиться, если бы ты сбежал? Ты представляешь, куда бы пошел? Может, у тебя вилла на Канарах есть? – тихим и свистящим шепотом, полным ненависти, произнес глава больницы. – Еще раз я увижу подобную выходку, и... – начальник запнулся. И правда, что же он может сделать сумасшедшему? Выгнать его из больницы? Отменить лечение, которое и без того бесплатное? Через секунду складки на лице начальника разгладились. – ...и я отменю тебе десерт! Это минимальное наказание, но будь уверен, пострашнее я тебе позже придумаю!

Как бы ни странно это звучало в повседневной жизни, эта фраза повлияла на Кима. Он еще больше согнулся, еще сильнее уставился глазами в пол и пробормотал:

– Да, господин начальник.

Ким очень ценил десерт в этой больнице. Да все его ценили. Это было самое вкусное и самое натуральное, что здесь могли предложить. Остальное же меню состояло из пережеванной резины, называемой "мясом", и порошковой картошки.

Глава больницы самодовольно ухмыльнулся, увидев понурившегося пациента, и велел отвести Кима в его палату. Медбратья грубо схватили мистера Сталлена и небрежно потащили по полу. Ноги Кима заплетались, не хотели идти, поэтому они просто волоклись за ним, оставляя длинный грязевой след. «Да уберите же здесь кто-нибудь!» – громким басом раздалось позади.

Лечебница была устроена весьма просто, но продумано. На первом этаже находились худшие отбросы общества – люди, которые уже давно сошли с ума и теперь то кричали, то бегали безумными глазами по своей палате, то лезли на стены, а часто все вместе и сразу. Остальные этажи располагались в порядке уменьшения буйности больных: на втором этаже располагались почти такие же, как и на первом – безумцы; на третьем были более-менее спокойные пациенты, а на четвертом почти осознанные люди, среди которых большая часть находилась здесь по собственной воле.

Именно из-за такого расположения этажей лечебница получала дополнительные деньги, когда в психбольницу заходили проверяющие: крики мучающихся от голосов в голове и галлюцинаций больных на первом этаже впечатляли их, а затихающие стоны пациентов сверху добавляли жалости.

Управляющего психиатрической лечебницей звали Смит. Никто не знал его второго имени, да оно и не нужно было. Смит был огромным шарообразным телом, состоящим преимущественно из жира. Он очень гордился тем, что сам придумал такое расположение этажей, и при случае всегда это упоминал. На каких-либо собраниях или светских встречах всегда уделялась минутка обсуждения его гениальности.

Как бы то ни было, Кима тащили на четвертый этаж. Сталлен, хоть и не сидел здесь по собственной воле, просто не мог уйти отсюда. Его история, как он попал сюда, была всеми забыта, кроме него самого. Когда его спрашивали, он говорил всегда разные истории, и вскоре

все запутались и забыли, почему он здесь. Вел Ким себя почти пристойно, если не учитывать его помутнения рассудка.

Все началось с кратковременных потерь памяти, как все думали. Каждый день он просыпался и шел на работу, обедал в ресторане неподалеку и обратно приходил домой. Но как только он возвращался, мужчина терял себя. Его видели множество людей, как он в ночной рубашке стоял на краю моста, как он плавал в городском пруду, как он бежал от полиции с криками «не пойман – не вор». Но каждое утро Сталлен просыпался в своей постели, и все начиналось заново.

Сам он говорил, что не помнит ничего из происходящего с ним ночью, и на вопросы отвечал, что это просто человек, похожий на него. Но как-то раз он очнулся на дереве в парке, и с этих пор Сталлен, похоже, сам поверил, что у него помутнение рассудка.

В больнице был выходной день. Воскресенье – лучший день для служащих в лечебнице, а значит, и для самих постояльцев этого заведения. В этот день открывались двери палат, и каждый больной мог вдоволь нагуляться по коридорам больницы. Хотя это была и не очень приятная и живописная прогулка, однако это, все-таки, лучше, чем сидеть в четырех стенах наедине со своими мыслями. Каждый гулял с улыбкой на лице (иногда пугающей, жутковатой), то здесь, то там раздавался смех, а по углам теснились психопаты с украденным тайком алкоголем (в разумных количествах, конечно). Им это спускали с рук: все равно они никуда не денутся, а лишняя порция расслабления может им даже помочь.

Было непонятно, почему все улыбаются. Просто в воскресенье было хорошее настроение у всех. Наверное, это была компенсация за суровые трудовые, мрачные будни.

Однако, бывает так, что в воскресенье не удастся ничего. Все валится из рук, а неудача подстерегает на каждом шагу. Такой день был у Марго.

Маргарет Боун, главная медсестра, пребывала в скверном настроении. У нее был не самый лучший выходной: ее муж не поздравил ее с 33-летием, больной почти сбежал из лечебницы, а начальник сократил ей зарплату за это. В общем, день не удался.

Сидя в красном кожаном кресле в углу курилки, Марго зло потягивала сигарету. Она знала, что сегодня на ком-нибудь отыграется, даже почти придумала план мести и вынашивала его в своем мозгу, словно детище. Большие синие глаза бегали по помещению, а из ноздрей струйками валил дым от тонких, приторно сладких, сигарет с ароматом клубники. В этот момент она была похожа на огнедышащего дракона, затевающего нападение на мирное поселение.

Марго была неплохим работником. Она была пунктуальна, строга и непримирима. Каждый конфликт заканчивался в ее пользу, после чего она со слащавой победной улыбочкой уходила из комнаты, где только что был спор.

Боун гордилась своим положением главной медсестры. Ее уважали подруги (хотя в тихую они подшучивали над ней, что ей и самой пора на лечение), платили больше остальных, слушались больные. Но главное – она могла по праву командовать всеми, кто стоял ниже нее по рангу, чем она в свое удовольствие пользовалась. Марго нравилась власть.

Как ни странно, у Кима Сталлена было хорошее настроение. План побега почти удался, а ведь только на прошлой неделе он даже не смог выбраться из дверей лечебницы. Было только одно «но»: сегодня что-то произошло. Чувствовалось, что произошло что-то нужное, и это нужное может изменить его жизнь.

Ким зашел в курилку, чтобы расслабиться. Сразу на него ядовито уставились темно-синие глаза Марго Боун. Пепел от сигареты упал ей на колено, и она тут же вскочила, отряхнулась и опять презрительно начала смотреть на пришельца. Наступила минута напряженного молчания, которую прервал наш пациент.

Ким наклонил голову набок.

–Я почти убежал, – медленно сказал он, наслаждаясь и смакуя фразу. На каждый слог у медсестры подрагивала скула на лбу. – Если бы не та милая девушка, я бы убежал, – уточнил он. Глаза его сощурились, а лицо расплылось в удовлетворительной улыбке.

На этом Марго взорвалась. Подлетев к Киму, она схватила его за воротник, оттолкнула к стене и закатила тираду. Запах клубничных сигарет ударил в нос Сталлену, но он, лишь улыбаясь, спокойно смотрел на Боун.

–Ты жалкое ничтожество! – почти кричала Марго. – Если бы не та милая девушка, – сказала Маргарет, подражая голосу Сталлена. – ты бы сейчас лежал на асфальте в виде мешка костей, сбитый грузовиком, который вел какой-нибудь пьяный идиот! – каждое слово Марго было отчасти верно. Ведь кто знал, что натворит сбежавший из психиатрической лечебницы больной, и что с ним произойдет. – Как ты не понимаешь, что находишься здесь, чтобы ни ты не причинил вреда окружающим, ни окружающие тебе, ни ты сам себе!

Улыбка сошла с лица Кима к великой радости Марго. Он исподлобья смотрел на медсестру, которая чуть ли не плакала от злости. Маргарет все продолжала кричать и кричать, срывая прокуренный голос, и Ким почти не разбирал слов. Закончив свою тираду, она кинула уже потухшую в ее руке сигарету в пепельницу, промахнулась и резко вышла. Алые каблукки мелькнули за углом коридора, и Ким остался в полном одиночестве.

Сталлен простоял в недоумении еще минуты две. Давно на него не кричали так сильно. В ушах все еще слышались выкрики Марго «идиот» и «сбитый грузовиком болван». Еще парочка нецензурных выражений крутились в его голове, которая гудела от громких криков.

Сев на ближайшую скамейку, он спокойно достал сигарету и поджег ее кончик. Как ни странно, в лечебнице разрешалось курить всем и каждому. В конце концов, говорят, что курение снимает стресс, а в психиатрической лечебнице это чуть ли не самая главная нужда.

Медленно затягивая толстые сигареты, Ким все рассуждал, что бы было с ним, если бы он сбежал. Куда бы он пошел? Ведь у него никого не осталось. Семьи у Сталлена не было, родственников уже тоже. Как же все пессимистично. Колечко дыма вырвалось изо рта Кима и бесшумно «разбилось» о потолок. Сзади слышались шаги.

В курилку зашла дама лет шестидесяти. Она периодически закрывала левый глаз и прихрамывала на правую ногу. Одета она была в кофточку мягко розового цвета и коричневую длинную юбку. Ее голова уже почти полностью покрылась паутиной седины, а морщины испещряли уголки глаз.

–Здравствуй, Сара.

Женщина кивнула и мягко улыбнулась.

Сара Фрид обладала добродушной и безобидной натурой. В больнице она находилась по претензии собственной дочери, которая увидела, как ее мать разговаривала с телевизором в полной уверенности, что диктор новостей, к которому она обращалась, ее слышит.

–А ты все еще не бросил курить, – прошелестела Сара. Ее голос напоминал шум листьев осенью, когда ветер задевает верхушки деревьев. Тихий, спокойный шелест.

–Сама видишь, – лениво ответил Ким. Сара была его самой лучшей собеседницей в психиатрической больнице. Находилась она в соседней палате от Кима, а значит, преград для общения практически не было. Стены были тонкими, и громкости обычного голоса хватало, чтобы слышать друг друга.

–Ты бы бросил это дело, – грустно ответила Сара.

–Извини, но не могу, – так же грустно ответил Ким. – Это уже привычка, и с этим ничего не поделаешь.

–Ну, как знаешь. Я не могу управлять твоим сознанием, чтобы ты перестал каждый день приходить сюда. Я... – Сара в протяжении почти половины минуты смотрела в одну точку полностью лишенным осмысленности взглядом, не произнося ни слова. Ким небрежно проследил за направлением ее глаз, но как всегда не нашел чего-либо необычного на стене, куда смотрела

Сара. С ней это случалось постоянно, так что Ким за девять лет знакомства уже почти привык к ее постоянным «уходам из этого мира».

– Я бы хотела тебе сказать, что твои выходки сказываются не только на твоём пребывании здесь, – заявила она серьезным тоном, отойдя от ступора. – но и на пребывании всех больных. Ты же знаешь правила: один врач раздражен – всем пациентам плохо.

– Да, да, знаю этот ваш КПП, «Кодекс Правильного Психопата», – отмахнулся Сталлен. – Но я не могу ничего поделать. В последнее время я просто не могу оставаться здесь, – вздохнул Сталлен. – Мне надоело находиться в этих душных ограничениях белых стен! Надо отсюда выбираться!

Сара только скромно покачала головой.

А тем временем уже подходило время обеда.

Глава 2

Уже было время обеда, когда в квартире Руперта и Карен воцарилось молчание. Тишина повисла в воздухе. Легкое, но в то же время вполне ощутимое напряжение ощущалось в отношениях между отцом и дочерью. Все время с утра до этого они только и делали, что спорили насчет того, стоило ли Карен выходить рано утром из дома, и что бы смог сделать отец, если бы был на ее месте. В конце концов, пришли к тому, что Карен не представляла, что это может быть опасно, а Стоун-старший сделал бы то же самое.

Мясо заманчиво шипело на сковороде. Масло кипело, яростно обрызгивая всякого подошедшего к сковородке, а кусочки мяса радостно подпрыгивали от высокой температуры. Паста уже была приготовлена, и Руперта притягивал опьяняющий аромат, доносящийся из кухни. Он уже давно простил Карен хотя бы за то, что она так хорошо готовит его любимое блюдо.

– Как же люблю свою дочурку, – уже спокойным голосом сказал он, обняв Карен сзади и поцеловав в затылок. Карен улыбнулась.

– Не злишься на меня? – по-детски спросила Карен, насупив нос.

– Я никогда не умел злиться на тебя, – блаженно, под влиянием пленяющего запаха пасты, будто извиняясь за свою грубость, проговорил он и сел за стол. Карен накрыла скатерть, открыла бутылку красного вина отцу, и они вместе молча съели все, что она приготовила.

После сытного обеда Руперт сразу ушел заниматься воистину важными делами: послеобеденным сном. У Карен же сна не было ни в одном глазу. «Что же сейчас происходит с тем мужчиной? Надеюсь, все хорошо», – думала она, пока читала роман, который посоветовала ей подруга. Но предложения никак не хотели оставаться в ее мозгу, буквы путались перед глазами, поэтому Карен захлопнула книгу и просто откинулась на спинку кресла.

Ким проводил глазами уходящую подругу и сам встал со скамейки. Время обеда значило, что сейчас будут раздавать еду в столовой, а это пропустить нельзя было никак. А то как же еще получать энергию, хоть и мизерную, для жизни в этом проклятом месте?

Направляясь к помещению столовой, он прогонял в голове уже новый план побега.

На обед не было ничего нового. Есть можно было только пудинг, потому что все остальное состояло либо из крахмала, как картошка, либо из непонятной субстанции, которая должна была зваться жареной фасолью. Это уже начинало раздражать. Как хорошо, что время летит с безумной скоростью в этом Богом забытом уголке мира.

После обеда всех пациентов ждал тихий час. Но Ким не спал. Он все тщательно пробегал по всем ступеням предстоящего плана.

Карен стало скучно. Руперт после того, как проснулся, немного посмотрел телевизор, немного почитал книгу, немного поработал на компьютере. Ничего нового или особенного, что может произойти в оставшийся вечер воскресенья. Только часов в шесть он уехал на встречу с коллегами и сообщил, что пробудет там до вторника.

Карен вышла на улицу. Если честно, ей уже все это порядком осточертело: однообразные будние дни, выходные, постоянная работа по дому, школа, уроки и т.д. Все наскучило, надоело. Руперт даже начинал говорить одни и те же фразы, когда приходил с работы. Чаше всего он повторял «как же я тебя люблю», «ты у меня лучше всех», «надо бы купить тебе новые вещи в школу», «какие у тебя оценки» и его коронное – «что у нас будет на ужин».

Когда умерла мать Карен, все обязанности по дому перешли к ней. Отец просто не мог справиться со всем этим: организм мужчины не способен выдержать таких нагрузок, думала Карен. По крайней мере, он так говорил, когда они спорили насчет того, кто следующий моет посуду. Девочка начала учиться готовить с пяти лет и к началу первого класса знала уже рецепты более полусотни блюд наизусть. Отец гордился ей.

Карен победно выбросила последний мешок мусора в бак неподалеку от ее дома и вздохнула с облегчением. Уже было около шести, и все свободное время было только в ее распоряжении. Почему бы и не прогуляться?

Карен прошла двор и вышла к парку. Никого не было вокруг, только иногда деревья скрипели, покачиваясь под дуновением ветра. Так странно было видеть мир без людей, как будто никого не осталось, кроме Карен. Она на мгновение представила, что так и есть. Девочке не очень-то понравилось. Глубокий вздох вырвался у нее из груди.

Вечерняя пробка на дороге напомнила ей об утреннем событии, и Карен невольно улыбнулась, отвлекшись от грустных мыслей. «Интересно, как он там, этот мужчина по имени... Ким, кажется», – подумала она.

Пройдя интуитивно до конца улицы, как и в прошлый раз, Карен наткнулась на ту же психиатрическую лечебницу №7. Девушка сама не поняла, как здесь оказалась, и даже немного удивилась.

Через решетку забора было видно небольшое серое здание, расположенное посередине пустыря. Со все углов больницы располагались небольшие пристройки, а в центре напротив калитки находился вход. Большая черная металлическая дверь скрывала за собой десятки умалишенных, безумных, сумасшедших людей, не способных существовать в нормальном обществе.

Неожиданно дверь легонько приоткрылась, и оттуда показалась лысоватая голова Кима Сталлена, которая тут же шмыгнула обратно в проем двери.

– Похоже, я опять сорвала его план побега, – рассмеялась Карен. Она помахала рукой похоже напуганному Киму. Было комично наблюдать за тем, как он снова старательно пытается подглядеть, не ушла ли она.

Ким Сталлен, лежа на кушетке в своей палате, в последний раз повторил для себя весь план побега. Сейчас воскресенье, он уже утром пытался сбежать – никто бы не подумал, что пациент опять соберется это сделать, тем более, этим же вечером.

Когда стемнело, Ким вышел из своей палаты, сославшись на то, что хочет покурить. Шкафообразный надзиратель сначала подозрительно посмотрел на него, но, все-таки, выпустил из комнаты. Проводя Кима в курилку, надзиратель сам достал сигареты и начал похлопывать себя

в поисках зажигалки. Но тщетно, ведь Ким незаметно вытащил ее из заднего кармана его брюк. Ким достал свою зажигалку и протянул ее своему освободителю.

– Спасибо, – буркнул тот и дал ладонь. Ким в это время сам протянул руку с зажигалкой к лицу надзирателя, тем самым говоря, будто он хочет, чтобы тот закурил из его руки.

Надзиратель наклонил голову, чтобы дотянуться до руки Кима.

Дальше действия следовали примерно с интервалом в полсекунды: палец Кима чиркнул колесиком зажигалки по кремню, из нее вырвался столб пламени высотой примерно двадцать сантиметров, запахло горелыми волосами, а охранник взвизгнул то ли от боли, то ли от неожиданности, то ли от всего вместе. Схватившись руками за обгоревшие брови, он яростно и недоуменно смотрел на Кима. Далее последовал наиглупейший вопрос, который только можно было услышать от надзирателя в тот момент:

– Ты специально?!

– Нет, что вы! Это, наверное, она сломалась, – испуганно промямлил Ким и показал ему на раковину неподалеку. – Надо бы холодной водой промыть, чтоб ожога не было.

Охранник нехотя согласился. Когда он промыл свои опаленные брови и повернулся в надежде найти пациента рядом, Кима уже не было на этаже, где случилось происшествие.

– Вот черт! – проревел надзиратель и побежал на первый этаж, к выходу. Но Ким в это время уже летел к входной двери. Во второй раз он не попадется. И, слава Богу, сегодня дежурит только один надзиратель.

С силой надавив и осторожно выглянув за массивную дверь, Ким чуть ли не вскрикнул: за калиткой, как и утром, стояла девушка (кажется, ее звали Карен)! «Она меня весь день, что ли, ждет?» – испуганно подумал почти сбежавший пациент.

Пару раз глянув на забор лечебницы через щель в дверях, он убедился, что Карен уходит не собиравшись. Что ж поделаешь?

Ким собрал свою волю в кулак и приоткрыл дверь. Потом пулей помчался к забору чуть поодаль девочки и перелез через него, уже наученный опытом, не зацепившись за колья.

Карен с удивлением наблюдала за всей этой картиной. Ее губы вначале расплывались в мягкой улыбке, но потом сжались в узкую ниточку, когда девочка вспомнила разговор с отцом и его предостережения. Когда Ким спрыгнул на землю, она строго сказала:

– Я сейчас вызову медсестру, и вас опять отведут туда же. Так что перелезайте обратно, а не то на вас еще больше накричат, – добавила она.

– Девочка, я психически неуравновешенный, так что могу сделать в любой момент что угодно. Будьте уверены: покалечить я вас сумею, – неожиданно бодро подмигнул Ким, – Так что молчите и считайте, будто этой встречи не было.

Карен стояла в недоумении. Этот человек не был похож на того смутившегося и устыженного больного, которого она встретила утром. Это уже был наглец, который способен на все. И в его словах была доля правды. Кто знал, что он может с ней сделать? Может, отец был прав? Карен злобно посмотрела на Кима, резко развернулась и пошла к своему дому. Ким ухмыльнулся и направился в противоположную сторону. Так они и разминулись.

Поначалу было все в порядке. За ним никто не гнался (по крайней мере, Ким этого не замечал), а наш сбежавший со всех ног мчался по темным улицам города. Хорошо, что в такое позднее время почти никого не было на улицах, хотя изредка проезжавшие мимо водители пялились на мужчину, бежавшего в ночной сорочке и домашних белых тапочках.

Потом стал говорить внутри мозга здравый смысл. Куда он бежит, с какой целью, что будет дальше? Ким не имел понятия, каковы ответы на все эти вопросы. Но он продолжал бежать.

Когда бывший пациент добежал до небольшого заброшенного аквапарка «Другой мир», уже начинало светать. Давно Ким так долго не бегал – года три. Это было заметно: тяжелое дыхание, ноющие мышцы ног, испарина на лбу, трясущиеся руки... А если еще учесть, что Ким курил где-то половину пачки сигарет в день, такая пробежка была для него целым подвигом. Но цель оправдывала средства.

Кстати о сигаретах... Ким достал всегда лежащую у него в кармане пачку и вытянул папироску. Рядом стояла скамейка, на которую Ким с превеликой радостью плюхнулся. Спасшая жизнь зажигалка звякнула открытой крышкой, и появился огонек, который осветил лицо нашего сбежавшего. Брови его были нахмурены от усталости и быстрого бега, но через секунду лицо Сталлена разгладилось.

Раздался вздох облегчения. Сигаретный дым столпом повалил изо рта счастливого Кима. Сейчас для него уже не существовало ничего: ни больницы, ни надоедливой Марго, ни болезненных уколов, ни проходящей мимо скамейки тихо хихикающей парочки. Только сигаретный дым, замедляющееся сердцебиение, и прохладный воздух ночного города.

По возвращению домой Карен все никак не могла уснуть. Лежа в пустой квартире, она все обдумывала, какой же ужасный поступок она совершила. Лучше бы позвонила в больницу, как в первый раз, и сообщила все как есть. Но что, если он бы и правда напал? И куда он сейчас направился? И почему его поведение так резко отличалось от утреннего? Непокоримая уверенность читалась в его глазах. Может, в полицию все-таки сообщить?

С такими мыслями невозможно было заснуть. Карен, уже интуитивно, надела куртку, ботинки и выбежала на улицу. Ночная прохлада овевала ее, ветер растрепал ее волосы, но Карен не обратила на это особого внимания. Глубоко вздохнув, она просто пошла в раздумьях и шла так довольно долго. На этот раз она решила во что бы то ни стало не возвращаться к больнице. Поэтому она направилась к ближайшему интересному месту, находившемуся в противоположной стороне.

В заброшенном аквапарке, где она проводила все детство, лазая по пыльным, несколько лет нетронутым горкам, не было никого. В ночь с воскресения на понедельник все люди спали в своих квартирах, набираясь сил для нового рабочего дня. По крайней мере, все нормальные люди.

Шорох.

Карен резко повернулась. Из кустов вылезал весь в колючках, с порванной сорочкой – кто бы вы подумали? – все тот же мужчина из психиатрической лечебницы – Ким Сталлен.

– Что вы тут делаете?!

Этот вопрос вылетел из уст и Кима и Карен одновременно. Они оба испуганно смотрели друг на друга минуты полторы. Первой заговорила Карен:

– Я сейчас вызову полицию!

– Пожалуйста, не надо! – Ким еще шире открыл глаза от испуга. Похоже, ему и правда было страшно возвращаться. – Меня ведь обратно туда заберут! – сейчас он выглядел несчастным и беззащитным, как тогда, при первой встрече. Как-то очень резко этот человек мог менять свое поведение.

– И что же в этом плохого? По-моему, там не так уж и плохо, – Карен решила действовать по плану «разговори психопата, а за спиной быстро набери телефон полиции». "Мало ли, что он может сделать", – повторяла она про себя.

– Что плохого? – переспросил Ким и возмущенно посмотрел на девушку. – Ну, если не считать постоянных уколов, лекарств, которые мне даже не прописаны, отвратительных мед-

сестер, с одной из которых вы уже знакомы, ужасного отношения к пациентам со стороны персонала, грязных и маленьких палат, то, в общем, все не так уж и плохо.

Рука Карен уже набрала последнюю цифру телефона полиции и нажала на кнопку «Позвонить».

– Как же вы оказались здесь, в этом Богом забытом месте? Насколько я знаю, вам пришлось много кварталов пройти от вашей психушки до сюда, а прохожие наверняка заметили идущего по улице психопата, – сказала Карен, когда услышала слабый голос полицейского дежурного, доносящийся из телефона. Ким, похоже, ничего не заметил.

– Ну, я шел обходными путями, и людей не так уж много в такое время... Вы мне лучше скажите, что вы тут делаете? – поинтересовался Ким.

– Ну, это уже мое дело, куда идти. У меня нет привязанности к дому, я могу из него свободно входить и выходить когда мне угодно. Я свободна, в отличие от вас! – гордо произнесла Карен.

– Да, это правда, – задумчиво ответил Ким и посмотрел куда-то в сторону. – Но вы уверены в том, что вы действительно свободны? Мне вот кажется, что сейчас я свободен больше, чем вы, юная леди.

Карен это фраза ввела в ступор. Она выпучила глаза на Кима. Да как он может так говорить? Он сбежавший психопат, а она свободная девушка, неограниченная в своих действиях.

– Вы все-таки привязаны к своему дому, – заговорил вкрадчивым голосом Сталлен. Его взгляд изменился, когда он произнес эти слова. Глаза смотрели на Карен живым, осмысленным взглядом, будто гипнотизируя ее. И такой человек – психопат? Ким продолжал. – Сейчас все такие: дни повторяются изо дня в день, одни и те же поступки, действия, и вы с этим ничего не можете сделать, потому что вы уже влипли в круговорот будничной жизни. Просто так вам не выбраться. Это как если бы вы были раскручены в колесе, а центробежная сила прижимала бы вас к стенке, и вы не могли бы пошевелиться. Двигались бы так же, как и каждая молекула этого колеса и ничего не могли бы изменить, – спокойно продолжал Ким.

Карен уставилась на него, и не могла возразить. Все, что он говорил, было в точности то же самое, что она ощущала уже очень давно. Каждое слово было правдой, будто Ким читал ее мысли.

Вдали слышались завывания сирен. Ким медленно и безо всякого удивления посмотрел в сторону приближающейся мигалки, которая светила красным и синим во все стороны.

– Я уже давно понял, что вы вызвали полицию. Руку за спиной не так уж и сложно заметить, – грустновато произнес он и быстро затараторил, – Я вам предлагаю сделку: я ухожу сейчас же, и полиция меня не ловит, а позже я превращаю вашу жизнь в нечто большее, чем кручение в колесе, – он выждал паузу, оценивая реакцию девочки на предложение, – Либо мы остаемся здесь, полиция забирает меня, а вы никогда не узнаете, что такое настоящая жизнь, – и он расплылся в улыбке.

Ошеломленная услышанным Карен не могла сказать и слова. Но она поняла все, о чем говорил этот странный человек. Выбор был сложным. Это ведь так правильно просто сдать его полиции. Но соблазн выбраться из постоянного цикла однообразных дней был слишком велик. Карен почему-то сразу стала доверять этому странному мужчине. Но, все-таки, еще не совсем.

– Идите вы к черту! – произнесла она и резко развернулась, чтобы уйти.

– Какие грубые слова от такой милой девочки! – усмешливо крикнул вслед убегающей домой девочки довольный Ким и пошел в противоположную от завывающих сирен сторону.

Всю оставшуюся ночь Карен донимало чувство дежавю. Она три раза абсолютно случайно встретилась с одним и тем же человеком за один день! Как вообще такое было возможно?

Сославшись на судьбу, она так пролежала до пяти утра, когда и уснула от усталости. Хотя проспала она всего лишь два часа.

Карен долго смотрела на восходящее солнце. Ярко красное, огромное, оно медленно поднималось из-за горизонта. Поначалу, тонкая полоска прошла по верхушкам зданий. Однако с каждой следующей секундой она становилась все шире и шире, озаряя все вокруг. Скоро уже невозможно было заметить даже клочка земли, которого не задел утренний рассвет.

Холодный ветер города окутал Карен и прогнал мельчайшие признаки желания спать. Карен улыбнулась солнцу. Как же приятно просто стоять на улице и вдыхать свежий утренний воздух.

Выйдя из квартиры, она первым делом направилась к больнице. Мало ли, может все это ей приснилось? Может, Ким Сталлен вовсе не сбегал из психиатрической лечебницы №7? Может, его вообще не существовало?

Воткнув в уши любимую спокойную мелодию из эпохи девяностых, она быстрым шагом направилась к больнице, чтобы стереть все сомнения.

Картина, которую она увидела, расстроила ее больше, чем когда отец однажды забыл про ее день рождения. Потом, кстати говоря, этого ни разу не случилось.

Две полицейские машины стояли рядом с калиткой лечебницы, а мужчины в форме стояли за ней, разговаривая с главной медсестрой. Карен, по пути вытащившая из ушей наушники, услышала лишь конец диалога:

–Да куда же смотрела охрана? – недоуменно вопрошали полицейские. Марго, приторно улыбаясь, но с растрепанными кудрями волос и жалкими глазами, наполненными усталостью из-за бессонной ночи, ответила что-то вроде «разберемся» и свирепо зыркнула на покачивающегося, почти пришедшего в себя от травмы бровей охранника. По нему было видно, что он сам не спал до утра. Наверное, его отчитывала Боун.

–Мы очень просим вас найти его и вернуть. Кто знает, что он может наделать! – умоляюще просила Марго. На этих словах в мозгу Карен что-то щелкнуло. Она резко отвела взгляд и хотела уйти подальше от этого проклятого места, но писклявый голосишка Марго окликнул ее.

–Она его тоже видела! Расспросите ее!

Карен потупила взгляд. И зачем она только сюда забежала? Теперь придется выпутываться из этой ситуации.

–Мэм, подойдите, пожалуйста, – сказал полноватый полицейский добродушным голосом. – Когда вы в последний раз видели сбежавшего отсюда пациента Кима Сталлена?

Карен уставилась в землю. Она вспомнила Кима, когда он сбежал. Эта жесткость, решимость и непоколебимость в его речи, которая не давала уснуть Карен. Но тут же она вспомнила тот взгляд. Те грустные, умоляющие глаза пациента больницы, где содержат безумцев. Глаза, полные слез и жалости. Что же за люди эти сумасшедшие?

–Так он, все-таки, сбежал? – внезапно для самой себя сказала Карен. Она не понимала, почему она не хочет говорить о последней встрече с Кимом и строит из себя дурочку. Может, она не хотела брать на себя ответственность за его побег? – Да, я видела, как он пытался бежать, и доложила об этом вот этой медсестре, – Карен махнула рукой на Марго, – Больше я его не видела.

–Спасибо, мэм, – сказал другой полицейский, записывавший все это в небольшой блокнот. Марго нервно поджала губы, расстроившись отсутствием информации о побеге. Потом полицейский повернулся к медсестре и стал о чем-то еще ее еще расспрашивать, а Карен уже бежала прочь от этой чертовой больницы.

«Господи, что я только что сделала?» – только эта мысль крутилась у нее в голове, не обращая внимания на орущую в наушниках песню.

Ким Сталлен, не дрогнув и бровью, вошел в двери банка, как только тот открылся. Как же были поражены работающие там люди, когда увидели мужчину в белой сорочке с взъерошенными волосами и едким запахом сигарет, распространяющимся от него на радиус минимум пяти метров. Картина не из ряда ординарных.

А Ким спокойно направился к первой же попавшейся кассе, шлепая больничными тапками по полу, и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.